

Научная статья

УДК 340.12; DOI: 10.61260/2074-1626-2026-2-26-39

**ДЕФИНИЦИЯ «БЕЗОПАСНОСТЬ»
КАК ОБЪЕКТ ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОГО ОСМЫСЛЕНИЯ**

✉ Гусаим Иван Вячеславович.

Центр исследования проблем безопасности Российской академии наук, Москва, Россия

✉ GusaimIvan1997@yandex.ru

Аннотация. Анализируется дефиниция «безопасность» как одна из ключевых и при этом наиболее дискуссионных категорий современной теории права Российской Федерации. Актуальность исследования обусловлена возрастающей сложностью внешних и внутренних угроз при одновременном отсутствии легального определения понятия «безопасность» в основополагающем нормативно-правовом акте Российской Федерации и базовых федеральных законах, что порождает правовую неопределенность и риски расширительного толкования при ограничении прав и свобод граждан. Целью работы является комплексное исследование концептуальных основ и проблем нормативного закрепления категории «безопасность». Для достижения цели применялись системный, формально-юридический и сравнительно-правовой методы анализа, позволившие изучить как доктринальные подходы, так и содержание нормативно-правовых актов и документов стратегического планирования. В результате исследования установлено, что существующий правовой вакуум частично компенсируется доктринальными актами, в первую очередь Стратегией национальной безопасности, где данная категория определяется через триаду «личность–общество–государство». Выявлено, что в юридической науке ведется фундаментальная дискуссия о целесообразности введения строгой законодательной дефиниции. Проанализировано разграничение смежных понятий («государственная безопасность» и «безопасность государства») и показана роль Конституционного Суда Российской Федерации в их толковании. Эффективная безопасность в демократическом государстве зависит не от жестких юридических формулировок, а от гибкой правовой системы. Главное – соблюсти баланс между защитой национальных интересов и правами человека, особенно в условиях такой угрозы как терроризм. Научная новизна заключается в обосновании проактивного подхода к безопасности как к комплексной системе, требующей согласованности действий на всех уровнях власти и общества.

Ключевые слова: безопасность, национальная безопасность, теория права, правовая дефиниция, правовая неопределенность, документы стратегического планирования, баланс конституционных ценностей, ограничение прав и свобод, угрозы безопасности, противодействие терроризму

Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания «Комплексное исследование проблем общественной безопасности, как стратегического приоритета национальной безопасности Российской Федерации (FFFZ-2025-0001)».

Для цитирования: Гусаим И.В. Дефиниция «безопасность» как объект теоретико-правового осмысления // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2026. № 2 (71). С. 26–39. DOI: 10.61260/2074-1626-2026-2-26-39

Scientific article

**DEFINITION OF «SECURITY»
AS AN OBJECT OF THEORETICAL AND LEGAL UNDERSTANDING**

✉ Gusaim Ivan V.

Security research center of the Russian academy of sciences, Moscow, Russia

✉ GusaimIvan1997@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the definition of «security» as one of the key and at the same time the most controversial categories of the modern theory of law of the Russian Federation. The relevance of the study is due to the increasing complexity of external and internal threats, while there is no legal definition of the concept of «security» in the fundamental regulatory legal act of the Russian Federation and basic federal laws, which creates legal uncertainty and risks of broad interpretation when restricting

the rights and freedoms of citizens. The purpose of the work is a comprehensive study of the conceptual foundations and problems of regulatory consolidation of the category «safety». To achieve this goal, systematic, formal-legal and comparative-legal methods of analysis were used, which made it possible to study both doctrinal approaches and the content of regulatory legal acts and strategic planning documents. As a result of the study, it was found that the existing legal vacuum is partially compensated by doctrinal acts, primarily the National Security Strategy, where this category is defined through the triad «personality–society–state». It is revealed that there is a fundamental debate in the legal science about the expediency of introducing a strict legislative definition. The differentiation of related concepts («state security» and «state security») is analyzed and the role of the Constitutional Court of the Russian Federation in their interpretation is shown. Effective security in a democratic State does not depend on rigid legal formulations, but on a flexible legal system. The main thing is to maintain a balance between protecting national interests and human rights, especially in the face of such a threat as terrorism. The scientific novelty lies in the substantiation of a proactive approach to security as an integrated system requiring coordination of actions at all levels of government and society.

Keywords: security, national security, theory of law, legal definition, legal uncertainty, strategic planning documents, balance of constitutional values, restriction of rights and freedoms, threats to security, countering terrorism

The paper was prepared as part of the state assignment «Comprehensive study of public security issues as a strategic priority of national security of the Russian Federation (FFFZ-2025-0001)».

For citation: Gusaim I.V. Definition of «security» as an object of theoretical and legal understanding // *Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychajnye situacii* = Right. Safety. Emergency situations. 2026. № 2 (71). P. 26–39. DOI: 10.61260/2074-1626-2026-2-26-39

Введение

На всем протяжении исторического развития человечества проблема обеспечения безопасности личности, общества и государства остается одной из центральных. В современную эпоху, характеризующуюся интенсификацией глобализационных процессов, появлением новых прорывных технологий и обострением геополитических противоречий, данная проблема приобретает особую остроту. Динамичная трансформация угроз требует от государства (как основного гаранта безопасности) постоянной адаптации и совершенствования методов правового регулирования.

В данном отношении категория «безопасность» – это элемент, который определяет пределы властных полномочий, а также ограничения прав и свобод граждан, являющегося допустимым. Однако именно ее многогранность и сложность создают значительные трудности для ее однозначной правовой формализации. Отсутствие четкой дефиниции в основополагающих нормативных актах порождает правовую неопределенность и риски расширительного толкования, что делает исследование данной темы чрезвычайно актуальным.

Целью настоящей статьи является исследование дефиниции «безопасность» как комплексной категории теории права Российской Федерации, а также анализ проблем ее нормативного закрепления и практической реализации.

Для достижения поставленной цели в рамках настоящего исследования ставятся следующие задачи:

- проанализировать концептуальные основы безопасности как правовой категории, выявив ее философско-правовые парадигмы и ключевые признаки;
- выявить основные этапы и проблемы в эволюции подходов к правовому обеспечению безопасности в Российской Федерации, предложив рекомендации по совершенствованию законодательства;
- обосновать ключевую роль документов стратегического планирования в формировании содержания понятия «национальная безопасность» в условиях отсутствия его законодательной дефиниции;
- раскрыть междисциплинарный характер категории «безопасность» и выявить специфику теоретико-правовых средств ее обеспечения в соотношении с отраслевыми механизмами.

Теоретические основы и методы исследования

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы (анализ, синтез, системный подход, экстраполяция) и частно-научные методы юриспруденции: формально-юридический, сравнительно-правовой и историко-правовой.

Результаты и обсуждение

1. Теоретико-методологические основы исследования категории «безопасность»

1.1 Философско-правовые парадигмы безопасности

Анализ сущности безопасности требует обращения к ее философско-правовым истокам, где были заложены фундаментальные подходы к пониманию этого феномена. В политической философии традиционно выделяются три ключевые парадигмы.

Первая – реалистическая – наиболее ярко представлена в трудах Т. Гоббса. Его концепция «войны всех против всех» (*bellum omnium contra omnes*) постулирует, что для обеспечения внутреннего мира и безопасности граждане должны делегировать часть своих свобод абсолютному суверену (Левиафану), который силой принуждает к порядку. В этой модели безопасность личности достигается через подчинение, а на международной арене сохраняется состояние анархии, где государства противостоят друг другу [1].

Вторая – идеалистическая – связана с именем Иммануила Канта. Его трактат «К вечному миру» предлагает принципиально иной взгляд: достижение безопасности возможно не через силу, а через следование моральному императиву и подчинение национальных интересов нормам международного права, основанного на разуме и гуманизме [2].

Третий подход, ассоциируемый с Гуго Гроцием, представляет собой попытку синтеза. Он утверждал, что государства на международной арене действуют не как «гладиаторы», а как члены единого сообщества, чьи действия ограничены общими правилами и институтами. Однако, как показывает современная практика, данные ограничения зачастую оказываются неэффективными [3].

Тем не менее существующие теоретические модели не уделяют должного внимания антропоцентрическому аспекту безопасности, оставляя за рамками анализа защищенность личности. Данное обстоятельство актуализирует задачу по формированию новых концептуальных основ для определения сущности безопасности и разработке прикладных механизмов для поддержания нормальной жизнедеятельности индивида.

При этом следует исходить из того, что уровень безопасности личности напрямую коррелирует с ее способностью эффективно отстаивать свои права и убеждения в действующем правовом поле. В свою очередь, такая возможность неразрывно связана со стабильным функционированием ключевых государственных систем: политической, экономической, социальной и экологической. Дестабилизация любой из этих подсистем неизбежно влечет за собой риски как для отдельного человека, так и для государства в целом. Именно эта многоаспектность и системный характер феномена безопасности создают значительные трудности для его исчерпывающей фиксации в законодательстве, которая, тем не менее, является условием эффективной работы государственного аппарата [4].

1.2. Лингвистический и проактивный подходы к понятию «безопасность»

Лингвистический анализ термина «безопасность» также раскрывает двойственность его природы. Этимологически он построен на отрицании своей противоположности (антонима «опасность» с префиксом «без-») и означает состояние отсутствия угроз. Однако современное лексикографическое толкование, представленное, в частности, в словаре Д.Н. Ушакова, расширяет это понятие. Оно включает не только пассивное состояние защищенности, но и активную деятельность – комплекс целенаправленных превентивных мер по нейтрализации потенциальных опасностей [5].

Представляется целесообразным рассматривать концепцию безопасности в расширенной, проактивной парадигме. Данный подход выходит за рамки простого реагирования на уже существующие угрозы и включает в себя деятельность по прогнозированию, анализу и превентивному пресечению потенциальных дестабилизирующих факторов. Такая трактовка предполагает не только защиту от реализовавшихся вызовов, но и создание системы, способной нейтрализовать предпосылки к возникновению новых видов угроз, направленных на подрыв устойчивого функционирования государственных и общественных институтов.

Тем не менее, помимо классических парадигм, современный научный дискурс предлагает иные инструменты для анализа. Особого внимания заслуживает теория секьюритизации, разработанная в рамках Копенгагенской школы (Б. Бузан, О. Вейвер). Согласно данной концепции, безопасность не является объективной данностью, а представляет собой социальный конструкт. Любая проблема становится вопросом безопасности в результате «речевого акта» со стороны секьюритизирующего актора (как правило, государства), который представляет ее как экзистенциальную угрозу. Успешная секьюритизация позволяет вывести проблему из поля обычной политики и оправдать применение чрезвычайных мер. Этот подход имеет большое значение для теоретико-правового анализа, поскольку вскрывает механизм, посредством которого государство может расширять свои полномочия, используя риторику безопасности, что актуализирует проблему правовых рамок и судебного контроля за такими процессами.

2. Категория «безопасность» в нормативно-правовой системе Российской Федерации

2.1. Проблема отсутствия легальной дефиниции и ее критика в правовой доктрине

Проанализировав философско-правовые и лингвистические основы понятия «безопасность», необходимо перейти к его рассмотрению в контексте действующей нормативно-правовой системы Российской Федерации, где теоретические концепции сталкиваются с практическими задачами правового регулирования.

При обращении к анализу основополагающего нормативно-правового акта Российской Федерации – Конституции Российской Федерации – можно констатировать: термин «безопасность» используется в тексте декларативно, без раскрытия его сущностного содержания. Легальная дефиниция данного понятия в Конституции Российской Федерации отсутствует. Вместо этого правовые механизмы и гарантии обеспечения безопасности личности, общества и государства определяются через более сложную и емкую категорию – «национальная безопасность». Именно она выступает в качестве ключевого теоретико-правового ориентира в данной сфере.

Генезис термина «национальная безопасность» в безопасности правовом поле имеет четкую хронологию. Впервые данное понятие было введено в юридический оборот в рамках Федерального закона от 20 февраля 1995 г. № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» (в настоящее время утратил силу). Дальнейшее развитие и концептуальное закрепление эта категория получила в Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 13 июня 1996 г. «О национальной безопасности», а затем была системно изложена в Концепции национальной безопасности Российской Федерации (Концепция), утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 17 декабря 1997 г. № 1300.

При этом анализ содержания данных доктринальных документов позволяет проследить эволюцию государственных подходов к определению ключевых угроз. Так, в Концепции 1997 г. основной акцент делался на угрозах, порожденных системным кризисом 1990-х гг.: ослаблении государственной власти, спаде экономики, росте организованной преступности и сепаратизме. Уже в редакции Концепции 2000 г., принятой на фоне контртеррористической операции на Северном Кавказе и глобальных вызовов, на первый

план выходит угроза международного терроризма. Последующие Стратегии национальной безопасности (редакций 2009, 2015 и 2021 гг.) демонстрируют дальнейшее смещение фокуса. В них последовательно возрастает значение угроз в информационной и кибернетической сферах, поднимаются проблемы сохранения культурного суверенитета и духовно-нравственных ценностей, а также прямо указывается на угрозы, связанные с геополитическим соперничеством и политикой «недружественных государств». Таким образом, эволюция доктринальных документов наглядно иллюстрирует, как правовое содержание понятия «национальная безопасность» динамично адаптировалось к меняющейся внутри и внешнеполитической повестке – это дополнительно усложняет задачу его статичного законодательного закрепления.

Фундаментальным актом, систематизирующим правовые основы в исследуемой сфере, выступает Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» (ФЗ № 390-ФЗ), который регламентирует общие принципы и суть деятельности по гарантированию национальной безопасности, охватывая различные виды безопасности личности (государственную, общественную, экологическую, информационную), а также иные виды. В доктринальных источниках и официальных документах подчеркивается, что современная государственная политика направлена на формирование условий для эффективной превенции внутренних и внешних угроз. Это, в свою очередь, рассматривается как необходимое условие для стратегического развития Российской Федерации, укрепления её позиций на международной арене, технологической модернизации и повышения качества жизни граждан.

Вместе с тем, несмотря на системообразующий характер указанного закона, в юридической доктрине высказываются обоснованные критические замечания относительно его юридической техники. В частности, правоведы Е.А. Белокрылова и Е.А. Бевзюк в своем комментарии к ФЗ № 390-ФЗ указывают на существенный пробел в его структуре – отсутствие дефинитивной статьи, закрепляющей понятийный аппарат. По их мнению, для обеспечения правовой определенности законодателю следовало имплементировать в текст закона определения таких ключевых категорий, как «национальная безопасность», «безопасность государства», «безопасность общества», «безопасность личности», «обеспечение безопасности», а также дефиниции внешних и внутренних угроз и системы сил и средств их нейтрализации. Отсутствие глоссария затрудняет единообразное толкование и правоприменение, поскольку перечисленные термины являются операциональными для многих норм закона. Автор заключает, что ограничение первой статьи лишь перечислением структуры документа является отступлением от сложившихся правил нормотворческой техники для федеральных законов такого уровня значимости [6].

Данный критический анализ находит свое развитие и подтверждение в работах А.Н. Калюжного. По его мнению, эффективность функционирования всей системы обеспечения национальной безопасности, включая, в том числе, на соответствующем уровне поддержание институциональных механизмов и общественных ресурсов и государства, детерминирована действенным правовым инструментарием, призванным обеспечить защиту суверенитета (государства) и интересов национального значения. Центральное место в этом инструментарии, как подчеркивает исследователь, занимает федеральное законодательство.

Развивая свою мысль, ученый констатирует, что анализируемый Федеральный закон имеет существенный недостаток – в нем отсутствует легальное закрепление базового понятийно-категориального аппарата. В частности, А.Н. Калюжный акцентирует внимание на отсутствии в тексте закона дефиниций категорий «национальные интересы», «стратегические национальные приоритеты», «силы и система обеспечения национальной безопасности». Упущение данных понятий является серьезным пробелом, поскольку именно они формируют концептуальное ядро и определяют ключевые параметры деятельности в рассматриваемой сфере, отражая ее сущностные аспекты [7].

Вместе с тем изложенная критическая позиция относительно необходимости нормативного закрепления дефиниций не является единственной в правовой доктрине. Существует и альтернативная точка зрения. Представителем ее является В.Г. Вишняков, который полагает, что сознательное исключение термина «национальная безопасность» из текста ФЗ № 390-ФЗ является концептуально оправданным.

В основе его аргументации лежит тезис о юридической неопределенности и низкой нормативной эффективности прилагательного «национальный». По мнению ученого, данная категория лишена строгой правовой конкретики и относится скорее к сфере политического дискурса, нежели к юриспруденции. Такой дискурс, как правило, оперирует широкими и зачастую эмоционально окрашенными конструкциями, такими как «нация», «национальность» и «национальные интересы». Данные понятия, по мнению В.Г. Вишнякова, малопригодны для формализации в рамках законодательного акта, требующего максимальной точности, а также однозначности формулировок [8].

С точки зрения автора настоящей статьи, позиция В.Г. Вишнякова, несмотря на свою логичность, представляется лишь частично оправданной. Действительно, термин «национальный» несет политическую нагрузку, однако его полное исключение из правового поля разрывает связь между законодательством и документами стратегического планирования, где эта категория является центральной. Более продуктивным видится не отказ от термина, а его нормативное наполнение через определение таких связанных понятий, как «национальные интересы» и «стратегические национальные приоритеты», на отсутствие которых справедливо указывает А.Н. Калюжный [7].

2.2. Роль документов стратегического планирования в определении понятия «национальная безопасность»

Устранение существовавшей в нормативно-правовом поле лакуны (пробела в праве), связанной с отсутствием законодательного определения исследуемого понятия, было осуществлено путем его инкорпорации в доктринальные документы стратегического планирования.

Исторически первым документом, нормативно утвердившим юридическое определение термина «национальная безопасность», стала Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, рассчитанная на период до 2020 г. Правовую силу ей придал Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» (хотя впоследствии данный указ утратил актуальность). Концептуальная основа этой Стратегии предусматривала понимание национальной безопасности в качестве особого состояния, гарантирующего защиту трех фундаментальных субъектов, а именно личности, общества и государства. Обеспечение такой защищенности рассматривалось в отношении всего спектра потенциальных вызовов и опасностей, как имеющих внутригосударственное происхождение, так и исходящих извне. Ключевой тезис документа заключался в том, что достижение указанного защищенного состояния служит неременной предпосылкой действительно полного осуществления закрепленных в Конституции прав и свобод Российских граждан, а также для гарантированного поддержания высоких стандартов и благополучия их жизни. Одновременно оно выступает гарантией суверенитета, территориальной целостности, обороны и безопасности, создавая фундаментальные предпосылки для устойчивого развития государства [9].

В рамках научного дискурса легальное (нормативное) определение национальной безопасности получает более глубокую теоретическую проработку. Так, концепция, предложенная исследователями Ю.И. Мигачевым и Н.А. Молчановым, представляет собой пример расширительного толкования данной категории. Автор интерпретирует ее как интегрированную систему эндогенных (внутренних) и экзогенных (внешних) условий, направленную на создание предпосылок для благосостояния граждан и гарантирование

защиты фундаментальных интересов общества. Ключевыми элементами этой системы также выступают неотчуждаемость народного суверенитета и защита основ конституционного строя от насильственных посягательств [10].

Исходя из вышеизложенного, феномен национальной безопасности представляет собой сложносоставную и динамическую концептуальную рамку. Его корректная научная интерпретация предполагает отказ от статического подхода в пользу рассмотрения безопасности как интегрального показателя, отражающего уровень защищенности социума от всего спектра экзогенных и эндогенных угроз. Данный показатель включает в себя не только способность социально-государственной системы к сопротивлению деструктивным воздействиям (резильентность), но и ее адаптивный потенциал к перманентным трансформациям глобальной и региональной среды. Телеологической целью и высшим приоритетом в рамках этой парадигмы является обеспечение и поступательное повышение качества жизни и благосостояния граждан.

В качестве структурного фундамента данной системы выступает триада взаимосвязанных и взаимозависимых субъектов: личность с ее правами и свободами, общество в многообразии его социальных групп и институтов, а также государство как основной механизм организации и защиты. Эффективность функционирования и вектор развития всей системы обеспечения безопасности детерминированы совокупностью многообразных факторов, среди которых доминирующую роль играют геопространственные, историко-культурные, духовно-нравственные, социально-психологические, политико-правовые, макроэкономические, демографические, информационно-коммуникационные и этно-конфессиональные детерминанты.

Сложность и многофакторность данного феномена порождают существенную гносеологическую и правовую проблему, связанную с концептуализацией угроз национальной безопасности и определением объектов их воздействия. Семантическая и концептуальная неоднозначность самого термина «безопасность» приводит к его широкому, а порой и экстенсивному толкованию. Наблюдается тенденция к экстраполяции данного понятия на гетерогенные сферы общественных и государственных интересов, что чревато размыванием его эвристической ценности и создает риски злоупотреблений в правоприменительной практике. Упомянутое ставит перед отечественным законодателем сложную правотворческую дилемму, требующую выработки адекватных механизмов правового реагирования. Как справедливо отмечается в юридической доктрине, в частности в работах С.А. Комарова и А.В. Поповой, предмет теоретико-правового регулирования находится в постоянной эволюции, однако его развитие должно происходить в границах, установленных для сохранения фундаментального баланса интересов личности, общества и государства [11]. Из этого следует, что имплементация категории «безопасность» в нормативно-правовые акты требует взвешенного и системного подхода. Недопустимо формирование реактивного законодательства, при котором принятие ограничительных или иных мер мотивируется исключительно наличием некоторой гипотетической или реальной угрозы, без всестороннего анализа ее природы и последствий для указанного триединого баланса интересов.

Глубокие историко-правовые корни проблемы дополнительно усложняют правоотношения в сфере национальной безопасности. Генезис концепта безопасности как фундаментальной ценности прослеживается на протяжении многих веков развития государственности и правовой мысли. Его артикуляция в качестве основополагающего принципа обнаруживается уже в ранних конституционных проектах. Ярким примером служит документ эпохи Английской революции XVII в. – «Соглашение народа Англии» 1649 г., в котором идея «общей для всех безопасности» была заложена в качестве одного из аспектов построения справедливого правопорядка. Данный исторический экскурс подчеркивает фундаментальный, непреходящий характер данной категории в теории и практике государственного строительства.

2.3. Разграничение смежных понятий: «безопасность государства» и «государственная безопасность»

«Безопасность» – это концепт, обладающий множеством смысловых оттенков; его интерпретация меняется в соответствии с тем, что выступает в качестве объекта защиты (референта). Следует отметить, что в юридической теории ключевым аспектом считается проведение смысловой границы между очень близкими, но все же не идентичными понятиями, а именно «безопасностью государства» и «государственной безопасностью».

Государственная безопасность в узком смысле относится преимущественно к защите институтов публичной власти, конституционного строя и существующего политического режима от угроз.

Безопасность государства, в свою очередь, представляет собой более широкую и комплексную категорию, охватывающую совокупность основополагающих национальных интересов, включая территориальную целостность, суверенитет, культурно-историческое наследие, демографическую стабильность и духовно-нравственные ценности общества.

Глубокий анализ проблемы смыслового разделения понятий «государственная безопасность», «безопасность государства» представлен в научном наследии А.В. Опалева. Ключевым в его позиции является тезис о деструктивности логико-правовых и практических последствий, возникающих из-за отождествления упомянутых концептов. Ученый предупреждал: синонимизация неминуемо провоцирует неправомерное, а также излишне широкое толкование того, что должно регулироваться правом, и, как следствие, ведет к экспансии сферы государственного вмешательства. Реализация подобного подхода, как указывал профессор Опалев, вынудила бы отнести непосредственно к ведению системы обеспечения государственной безопасности подавляющее большинство общественных институтов – экономические структуры, социально-политические организации, институты, формирующие духовную, а также идеологическую жизнь. Логика данного включения базируется на утверждении, что все эти институты, оказывая прямое или косвенное воздействие на устойчивость, а также прогрессивное развитие государства, тем самым могут рассматриваться как элементы, формирующие его безопасность.

Следствием подобной экстенсивной трактовки становится концептуальная диффузия: категория «государственная безопасность» теряет четкие очертания, что девальвирует ее операциональную применимость и создает существенные барьеры для эффективной правоохранительной деятельности [12].

Вместе с тем правовая реальность демонстрирует тенденцию к расширительному толкованию. Так, ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации определяет «безопасность государства» как легитимное основание для ограничения прав и свобод. Конституционный Суд Российской Федерации, интерпретируя данную норму, распространил ее действие и на защиту «экономической безопасности», фактически признав ее компонентом более общей категории. Подобная судебная практика не только подтверждает комплексный, многосоставной характер феномена безопасности государства, но и легитимирует экстраполяцию теоретического понятия на его отраслевые проявления (экономические, информационные, экологические и пр.), тем самым расширяя основания применения правовых ограничений.

2.4. Понятие безопасности в зарубежной правовой доктрине: сравнительно-правовой аспект

Для более глубокого понимания Российской модели целесообразно обратиться к зарубежному опыту. Например, в правовой доктрине ФРГ центральное место занимает не столько «безопасность», сколько защита «свободного демократического правопорядка» (*freiheitliche demokratische Grundordnung*), который выступает пределом для любой политической деятельности. В США категория «национальная безопасность»

(national security) исторически является ключевой для оправдания действий исполнительной власти, особенно во внешней политике, и ее содержание также является предметом постоянных политических и правовых споров. Во Франции особое значение имеет понятие «общественного порядка» (*ordre public*), включающее безопасность, спокойствие и здоровье населения. Сравнительно-правовой анализ показывает, что большинство правовых систем избегают жесткой, исчерпывающей дефиниции безопасности в своих правовых доктринах, оставляя ее содержание для конкретизации в законодательстве и судебной практике, что, однако, не снимает общей для всех проблемы поиска баланса с правами человека.

3. Актуальные угрозы и баланс конституционных ценностей: пример противодействия терроризму

3.1. Терроризм как катализатор трансформации правового регулирования

Анализ нормативной базы и доктринальных споров показывает: категория «безопасность» наиболее остро проявляет свою сложность и противоречивость при столкновении с конкретными угрозами. Для иллюстрации проблемы поиска баланса между государственными интересами и правами личности целесообразно рассмотреть пример противодействия терроризму как одной из наиболее актуальных угроз XXI в.

Динамика и усложнение правоотношений в сфере обеспечения национальной безопасности детерминируются перманентной трансформацией и эмерджентностью угроз. В контексте анализа указанной проблематики особое внимание уделяется угрозам террористического и экстремистского характера. Ключевой исследовательской задачей является идентификация фундаментальных детерминант, обуславливающих генезис данных явлений, при методологическом разграничении с казуистическими или сингулярными рисками [13].

Под последними понимаются ситуации, этиология которых связана с уникальными, несистемными факторами, что требует применения специфических аналитических подходов. В качестве иллюстрации можно привести противоправное деяние, совершённое индивидом с определёнными психопатологическими особенностями под влиянием специфических информационных триггеров. Подобный случай требует отдельного клинικο-криминологического анализа, поскольку его предпосылки нерепрезентативны и не могут быть экстраполированы на общую массу угроз, в основе которых лежат системные социально-политические, экономические и идеологические факторы.

Вместе с тем эмпирические данные подтверждают сохранение высокого уровня террористической угрозы в глобальном масштабе. Ретроспективный анализ резонансных террористических атак, совершенных в период с начала XXI в., включая скоординированные нападения 11 сентября 2001 г. в США, захваты заложников в театральном центре на Дубровке (Москва, 2002 г.) и в школе № 1 г. Беслана (2004 г.), а также серии атак в г. Волгограде (2013 г.), г. Париже (2015 г.), г. Брюсселе (2016 г.), Санкт-Петербурге (2017 г.) и др., выявляет системную уязвимость объектов гражданской инфраструктуры и незащищенных слоев населения.

Для Российской Федерации особая острота данной проблемы была в очередной раз подтверждена трагическими событиями в «Крокус Сити Холле» (март 2024 г.). Данное обстоятельство детерминирует высокую научную и практическую актуальность дальнейшего углублённого исследования правовых, социальных и превентивных аспектов противодействия терроризму.

К числу ключевых детерминант, способствующих сохранению террористической активности, следует отнести несколько взаимосвязанных факторов:

Во-первых, интенсификация глобальных миграционных потоков объективно создает условия для трансграничного перемещения носителей радикальных идеологий и инфильтрации экстремистских ячеек в юрисдикции с относительно либеральным контртеррористическим законодательством или в регионы, где совершение теракта способно вызвать максимальный общественный и медийный резонанс [14].

Во-вторых, существенную роль в эскалации угрозы играют геополитические просчеты и целенаправленные действия внешних акторов. В частности, поддержка некоторыми западными странами процессов так называемой «Арабской весны» привела к дестабилизации обширных территорий, разрушению государственных институтов и формированию «вакуума власти», который был оперативно заполнен радикальными исламистскими группировками [15].

В-третьих, государственные стратегии противодействия терроризму зачастую демонстрируют недостаточную комплексность. Превалирующий подход сводится к реактивным мерам силового характера и уголовно-правовому преследованию исполнителей и организаторов терактов. При этом этиология терроризма – его глубинные социально-экономические, политические и идейно-психологические предпосылки – нередко остается вне фокуса системной превентивной работы [16].

Тем не менее в академической и экспертной среде наблюдается формирование консенсуса относительно необходимости перехода к холистической, многоуровневой парадигме противодействия, что в перспективе способно скорректировать сложившуюся ситуацию. В качестве примера подобного интегративного подхода можно привести государственную доктрину Израиля, где террористическая деятельность рассматривается не столько в рамках уголовного права, сколько как экзистенциальная угроза национальной безопасности и основам государственности, что предполагает задействование всего спектра государственных инструментов для ее нейтрализации [17].

3.2. Двойственная роль угрозы терроризма и ее социально-правовые последствия

Терроризм и его акты представляют собой сложное и многогранное явление, которое оказывает двоякое воздействие на концепцию «безопасности». С одной стороны, они напрямую угрожают физической и психологической безопасности граждан, а с другой – провоцируют государство на принятие мер, которые могут ограничивать права и свободы, создавая новый виток напряженности в обществе.

Терроризм является одной из форм политической борьбы – устрашения и дестабилизации общества по достижению определенных целей, будь то революция, развязывание войны, получение независимости или политические уступки со стороны власти. Террористические акты оказывают давление на государственные структуры, вынужденные реагировать на уже произошедшие события, бороться с их последствиями, а также демонстрировать способность предотвращать подобные угрозы (в будущем). Упомянутое ставит под сомнение эффективность существующего аппарата власти, приводит к падению ее престижа.

Основной удар терроризма наносится по мирному населению, что является его отличительной чертой. Жертвы террористических атак – это не самоцель, а средство для достижения максимального общественного резонанса и запугивания.

Последствия данного рода атак носят не только физический, но и глубокий моральный характер. Во-первых, порождается ощущение постоянной угрозы, поскольку непредсказуемость актов создает у населения чувство уязвимости. Во-вторых, происходит разрушение общественных устоев: терроризм подрывает доверие между социальными группами. Кроме того, широкое освещение терактов в СМИ усиливает психологические травмы, а само общество начинает оказывать давление на власть, требуя решительных действий.

В ответ на террористические угрозы государство вынуждено принимать комплексные меры, которые включают в себя профилактические, правовые, политические, социально-экономические и пропагандистские действия. В России правовую основу борьбы с терроризмом составляют Конституция Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации и федеральные законы, такие как Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». Однако, стремясь обеспечить безопасность, государство может прибегать к достаточно репрессивным мерам, ограничивающим права

и свободы граждан. Упомянутое может выражаться в усилении контроля общества, расширении полномочий спецслужб и введении более строгих законов. Такой подход создает сложную дилемму: с одной стороны, общество требует защиты, а с другой – может выражать несогласие с ограничением своих свобод, особенно если государство не смогло предотвратить теракт. Таким образом, терроризм дестабилизирует общественные отношения и ставит перед государством, обществом ряд сложных задач:

1. Определение баланса интересов: необходимо найти компромисс между обеспечением безопасности, соблюдением прав и свобод личности, закрепив этот баланс в законодательстве.

2. Уточнение дефиниции «безопасность»: важно четко определить содержание дефиниции «безопасность», его применение в нормативных актах, дабы избежать злоупотреблений.

3. Противодействие идеологии терроризма: одним из ключевых направлений профилактики является борьба с распространением идеологии насилия и экстремизма.

В конечном счете, эффективное противодействие терроризму требует скоординированных усилий государственных органов, а также институтов гражданского общества, в частности, общественных и религиозных организаций.

Выводы

Проведенное исследование, посвященное анализу дефиниции «безопасность» как комплексной категории теории права Российской Федерации, позволяет сформулировать ряд принципиальных выводов, а также сделать итоговые обобщения.

Во-первых, анализ теоретико-методологических основ показал, что современное понимание безопасности существенно трансформировалось по сравнению с классическими философско-правовыми парадигмами. Если реалистический подход (Т. Гоббс) абсолютизировал роль государства, а идеалистический (И. Кант) – роль права и морали, то сегодня на передний план выходит антропоцентрический аспект, требующий рассматривать в качестве высшего приоритета защищенность личности. Для реализации эффективного правового регулирования наиболее продуктивным является переход от пассивной трактовки безопасности как отсутствия угроз к проактивному подходу, который включает деятельность по прогнозированию, превенции и созданию условий для устойчивого развития.

Во-вторых, в нормативно-правовой системе России выявлена ключевая особенность, имеющая характер правового парадокса: при отсутствии формальной легальной дефиниции «безопасность» в тексте Конституции Российской Федерации и базовом ФЗ № 390-ФЗ, ее содержание и основные параметры де-факто определяются документами стратегического планирования. Именно Стратегия национальной безопасности восполняет этот законодательный пробел, нормативно закрепляя триаду объектов защиты «личность–общество–государство». Это подтверждает фундаментальную дискуссию в правовой доктрине: с одной стороны, критики (Е.А. Белокрылова, А.Н. Калужный) справедливо указывают на юридико-технические пороки закона и риски правовой неопределенности; с другой стороны, существует обоснованная позиция (В.Г. Вишняков) о нецелесообразности инкорпорации политизированного термина «национальный» в строгое поле законодательства.

В-третьих, анализ правоприменительной практики и смежных понятий продемонстрировал многосоставной характер категории «безопасность». Разграничение терминов «безопасность государства» (защита конституционного строя, суверенитета, территориальной целостности) и «государственная безопасность» (защита институтов власти), предложенное в доктрине (А.В. Опалев), имеет важнейшее практическое значение для определения пределов компетенции различных органов. При этом деятельность Конституционного Суда Российской Федерации показывает тенденцию к расширительному толкованию понятия, включая в его орбиту такие отраслевые виды, как «экономическая безопасность», что подтверждает его комплексную и всепроникающую природу.

В-четвертых, на примере противодействия терроризму как одной из наиболее острых угроз современности наглядно показана центральная дилемма теории права: поиск баланса между обеспечением безопасности и соблюдением прав и свобод личности. Террористические акты не только напрямую угрожают гражданам, но и провоцируют государство на принятие ответных, зачастую репрессивных, мер. Это ставит перед законодателем и правоприменителем сложнейшую задачу по выработке таких правовых механизмов, которые были бы эффективны в борьбе с угрозами, но при этом не нарушали бы принципы правового государства и не приводили к чрезмерному ограничению прав.

Таким образом, проведенное исследование подтверждает, что национальная безопасность сегодня выходит за рамки исключительной компетенции властных структур и становится предметом заботы всего общества. Для эффективного функционирования правового механизма ее обеспечения в XXI в. требуется соблюдение фундаментальных демократических принципов. Динамика геополитических и социальных процессов ставит перед российской наукой теории права задачу выработки адекватных ответов на новые вызовы.

Ключевой вывод заключается в том, что решение проблемы правовой неопределенности лежит не столько в формальном закреплении единственной статичной дефиниции в тексте закона, сколько в формировании гибкой, адаптивной и многоуровневой системы правового регулирования. Данная система должна основываться на четком понятийном аппарате, закреплённом как в законодательстве, так и в доктринальных актах, а также на действенных механизмах правового контроля для поддержания баланса интересов. Юридическая наука призвана выполнять здесь ведущую роль, осуществляя быстрый анализ новых угроз и предлагая научно обоснованные модели их правового опосредования. В конечном счете, безопасность каждого человека, который, будучи носителем суверенитета, участвует в формировании институтов правового государства, зависит от способности всей системы находить баланс между силой и правом.

Список источников

1. Гоббс Т. Избранные произведения: в 2-х т. М.: Мысль, 1965. Т. 1. 752 с.
2. Кант И. Метафизика нравов: в 2-х ч. // Критика практического разума. СПб.: Наука, 1995. 528 с.
3. Гроций Г. О праве войны и мира: три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права. М.: Ладомир, 1994. 868 с.
4. Гусаим И.В. Философско-правовая трактовка понятия «безопасность» // Государственная служба и кадры. 2025. № 2. С. 77–82.
5. Толковый словарь русского языка: в 4-х т. / сост. Г. О. Винокур [и др.]. М.: Совет. энцикл., 1935–1940.
6. Белокрылова Е.А., Бевзюк Е.А. Комментарий к Федеральному закону от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» (постатейный). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Калюжный А.Н. Федеральный закон «О безопасности»: итоги реализации и перспективы развития // Военно-юридический журнал. 2014. № 3. С. 7–10.
8. Вишняков В.Г. О методологических основах правового регулирования проблем безопасности Российской Федерации // Журнал российского права. 2005. № 9. С. 27–39.
9. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации от 31 дек. 2015 г. № 683. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Мигачев Ю.И., Молчанов Н.А. Правовые основы национальной безопасности (административные и информационные аспекты) // Административное право и процесс. 2014. № 1. С. 46–49.
11. Комаров С.А., Попова А.В. Предмет конституционного права: взгляд теоретиков // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 10 (95). С. 110.

12. Опалев А.В. О некоторых базовых категориях Закона Российской Федерации «О безопасности» и Концепции национальной безопасности Российской Федерации // ФСБ России. Правовое регулирование деятельности федеральной службы безопасности по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации: науч.-практ. комментарий / под ред. В.Н. Ушакова, И.Л. Трунова. М., 2006. С. 208.

13. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 131 и части первой статьи 380 Таможенного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой закрытого акционерного общества «Сибирское агентство «Экспресс» и гражданина С.И. Тененева, а также жалобой фирмы «Y. & g. Reliable Services, Inc.»: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 14 мая 1999 г. № 8-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Касаткин П.И., Хрусталеv И.М., Аватков В.А. Евробезопасность, интеграция и «мягкая сила» миграции в XXI веке // Вестник МГИМО Университета. 2012. № 6 (27). С. 79–93.

15. Антюхова Е.А. Политические конфликты «Арабской весны»: общее и особенное // Известия Смоленского государственного университета. 2016. № 4 (36). С. 260–271

16. Коктыш К.Е. Когнитивные интеграторы: опыт моделирования социальной динамики // Вестник МГИМО Университета. 2010. № 4. С. 255–260.

17. Морозов В.М. Израиль и средиземноморская безопасность // Международные процессы. 2012. Т. 10. № 30. С. 91–97.

References

1. Gobbs T. Izbrannye proizvedeniya: v 2-h t. M.: Mysl', 1965. T. 1. 752 s.
2. Kant I. Metafizika нравов: v 2-h ch. // Kritika prakticheskogo razuma. SPb.: Nauka, 1995. 528 s.
3. Grocij G. O prave vojny i mira: tri knigi, v kotoryh ob'yasnyayutsya estestvennoe pravo i pravo narodov, a takzhe principy publichnogo prava. M.: Ladomir, 1994. 868 s.
4. Gusaim I.V. Filosofsko-pravovaya traktovka ponyatiya «bezopasnost'» // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry. 2025. № 2. S. 77–82.
5. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: v 4-h t. / sost. G. O. Vinokur [i dr.]. M.: Sovet. encikl., 1935–1940.
6. Belokrylova E.A., Bevzyuk E.A. Kommentarij k Federal'nomu zakonu ot 28 dekabrya 2010 g. № 390-FZ «O bezopasnosti» (postatejnyj). Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
7. Kalyuzhnyj A.N. Federal'nyj zakon «O bezopasnosti»: itogi realizacii i perspektivy razvitiya // Voenno-yuridicheskij zhurnal. 2014. № 3. S. 7–10.
8. Vishnyakov V.G. O metodologicheskikh osnovah pravovogo regulirovaniya problem bezopasnosti Rossijskoj Federacii // Zhurnal rossijskogo prava. 2005. № 9. S. 27–39.
9. O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii: Ukaz Prezidenta Ros. Federacii ot 31 dek. 2015 g. № 683. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
10. Migachev Yu.I., Molchanov N.A. Pravovye osnovy nacional'noj bezopasnosti (administrativnye i informacionnye aspekty) // Administrativnoe pravo i process. 2014. № 1. S. 46–49.
11. Komarov S.A., Popova A.V. Predmet konstitucionnogo prava: vzglyad teoretikov // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2018. № 10 (95). S. 110.
12. Opalev A.V. O nekotoryh bazovyh kategoriyah Zakona Rossijskoj Federacii «O bezopasnosti» i Konceptii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii // FSB Rossii. Pravovoe regulirovanie deyatel'nosti federal'noj sluzhby bezopasnosti po obespecheniyu nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii: nauch.-prakt. kommentarij / pod red. V.N. Ushakova, I.L. Trunova. M., 2006. S. 208.
13. Po delu o proverke konstitucionnosti polozhenij chasti pervoj stat'i 131 i chasti pervoj stat'i 380 Tamozhennogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zhaloboj zakrytogo akcionernogo obshchestva «Sibirskoe agentstvo «Ekspress» i grazhdanina S.I. Teneneva, a takzhe zhaloboj firmy «Y. & g. Reliable Services, Inc.»: postanovlenie Konstitucionnogo Suda Ros. Federacii ot 14 maya 1999 g. № 8-P. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

14. Kasatkin P.I., Hrustalev I.M., Avatkov V.A. Evrobezopasnost', integraciya i «myagkaya sila» migracii v XXI veke // Vestnik MGIMO Universiteta. 2012. № 6 (27). S. 79–93.
15. Antyhova E.A. Politicheskie konflikty «Arabskoj vesny»: obshchee i osobennoe // Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. № 4 (36). S. 260–271
16. Koktysh K.E. Kognitivnye integratory: opyt modelirovaniya social'noj dinamiki // Vestnik MGIMO Universiteta. 2010. № 4. S. 255–260.
17. Morozov V.M. Izrail' i sredizemnomorskaya bezopasnost' // Mezhdunarodnye processy. 2012. T. 10. № 30. S. 91–97.

Информация о статье:

Поступила в редакцию: 22.12.2025

Принята к публикации: 24.02.2026

The information about article:

Article was received by the editorial office: 22.12.2025

Accepted for publication: 24.02.2026

Информация об авторах:

Гусаим Иван Вячеславович, научный сотрудник Центра исследования проблем безопасности Российской академии наук (117335, Москва, ул. Гарибальди, д. 21Б), e-mail: GusaimIvan1997@yandex.ru, SPIN-код: 7930-3460, Author ID: 1213086, <https://orcid.org/0009-0006-0379-8523>, Researcher ID: OOM-6346-2025

Information about the authors:

Gusaim Ivan V., researcher at the center for security studies of the Russian academy of sciences (117335, Moscow, Garibaldi str., 21B), e-mail: GusaimIvan1997@yandex.ru, SPIN: 7930-3460, Author ID: 1213086, <https://orcid.org/0009-0006-0379-8523>, Researcher ID: OOM-6346-2025